

После того как наказание осталось позади, жизнь в последнее время стала чуточку спокойнее. Во-первых, нужно было дописать книги, а во-вторых, отдых шел на пользу — раны заживали быстрее. Так что в последнее время жизнь Тан Цинфэна текла размеренно. Настолько размеренно, что становилось даже скучновато: после шумных событий вернуться к тишине оказалось непросто, привыкнуть к такому ритму сразу не вышло.

Однажды Тан Цинфэн взял большую метлу и принялся подметать двор. Наступила осень, листья пожелтели, и стоило подуть ветру, как целые охапки осыпались на землю, так что приходилось то и дело хвататься за метлу. Пока он мел, ему в голову пришла блестящая идея, и он принялся за работу с удвоенным усердием.

Вскоре в углу двора выросла внушительная куча листвы. Оглядев её со всех сторон, Тан решил, что этого хватит, и стал дожидаться свободного времени, чтобы воплотить в жизнь свой маленький замысел.

— Есть кто дома? — послышался стук в ворота.

Тан Цинфэн крикнул в ответ:

— Иду! — и поспешил открывать.

Приотворив одну створку, он увидел перед воротами повозку. На вид самая обычная, но присмотревшись, можно было заметить, что сделана она из первоклассного дерева. Окно было занавешено индигово-синей тканью, скрывавшей всё, что творилось внутри.

— Прошу прощения, любезный, здесь живет господин Кун? — голос, раздавшийся снизу, заставил Тан Цинфэна отвлечься от осмотра повозки.

Он опустил взгляд и замер: перед ним стоял настоящий красавец. Мальчишка лет одиннадцати-двенадцати, с черными волосами, заплетенными в два пучка, перехваченных лентами в тон одежде. Большие выразительные глаза, маленький носик и губки, напоминающие формой орех.

— Любезный? Эй, любезный! — видя, что Тан Цинфэн откровенно пускает слюни, мальчик-слуга возмутился и толкнул его в бок.

— А? Прости, пожалуйста, что ты сказал? — Тан Цинфэн густо покраснел. Подумать только, мужчине, которому в душе уже под сорок, пускать слюни на ребенка — хорошо еще, что молния с неба не ударила.

Мальчик с раздражением закатил глаза и повторил:

— Я спрашиваю, здесь живет господин по фамилии Кун?

— Да, верно. Мой господин носит фамилию Кун.

— Правда? — лицо мальчика озарилось восторгом. Он ухватился за одежду Тана. — А господина Куна зовут Лин? Кун Лин?

— Именно так, господин Кун Лин. У тебя к нему дело? — только Тан Цинфэн успел насладиться близостью красавца, как тот уже отстранился.

— Господин, господин! Мы нашли его! — мальчик подбежал к повозке, откинул занавеску и громко крикнул тому, кто был внутри.

Они стояли довольно далеко, да и человек в повозке говорил слишком тихо, так что Тан ничего не разобрал. Вскоре мальчик вернулся.

— Любезный, будьте добры, доложите: приехал старый друг по фамилии Цинь, — сказал он и отвесил вежливый поклон.

Тан Цинфэн поспешно посторонился:

— Сейчас господин читает лекции ученикам. Прошу вашего господина войти и подождать внутри, — он распахнул вторую створку ворот. — Кстати, как тебя зовут?

— Не нужно называть меня любезным, зови просто Ханьчжу, — мальчик обернулся и одарил его такой улыбкой, что у Тана перехватило дыхание.

Человек еще не успел подойти, как послышался кашель. Господин Цинь, опираясь на плечо Ханьчжу, выбрался из повозки. Одет он был в простой халат ученого, волосы, собранные сзади лентой, выглядели слегка небрежно. Лицо казалось бледным и изможденным, но глаза горели необыкновенным огнем, а каждое движение было исполнено особого шарма. В общем, к нему пожаловали двое красавцев: один — болезненный, другой — юный и прелестный. Тан Цинфэн почувствовал, что пропал, и теперь ему впору подставлять ведро, чтобы собирать слюни.

Впрочем, любованье любованием, а гостеприимство никто не отменял. Проводив обоих в гостиную и усадив гостя, Тан поспешил заварить чай и принести угощение. Господин Цинь то и дело заходилась кашлем, а Ханьчжу, весь в тревоге, хлопал его по спине и растирал плечи — сразу было видно, какой это заботливый помощник. Тан Цинфэн взглянул на небо: скоро пора обедать.

— Господин Цинь, скоро у учеников закончится занятие, так что прошу вас здесь отдохнуть. Мне нужно идти помогать господину с обедом, надеюсь, вы не в обиде, — ничего не попишешь, если Кун Лин вернется и не найдет еды, будет очень зол. Последствия могут быть печальными. В конце концов, никто не идеален, а Кун Лин просто не выносит голода.

— Иди, не беспокойся обо мне. Я ведь собираюсь погостить здесь несколько дней. Если ты не приготовишь обед, мне тоже нечего будет есть, — голос его звучал мягко и вкрадчиво, казалось, с этим человеком будет легко найти общий язык.

Вскоре вернулся Кун Лин. Тан вышел следом и замер: перед ним словно соревновались в неподвижности два каменных изваяния, а Ханьчжу, стоявший в стороне, с глазами, полными слез, смотрел на них так, словно встретил родных людей.

Эх, ну нельзя же так стоять вечно. Тан подвел своего господина к креслу, усадил, подал чашку чая и сунул в руки холодное полотенце. На самом деле, ему хотелось выплеснуть чай прямо в лицо Кун Лину, но он побоялся, что вода слишком горячая, и решил оставить эту затею.

Кун Лин, придя в себя, выглядел странно. Лишь спустя долгое время он произнес:

— Зачем ты приехал? Здоровье у тебя и так слабое, зачем же мотаться туда-сюда?

— Если ты здесь, как я мог не приехать? — в мягком тоне господина Циня сквозила бесконечная печаль.

— Приехал, увидел — теперь уходи, — Тан Цинфэн заметил, как изменился взгляд Кун Лина. Тот словно одеревенел и, совершая резкие, ломаные движения, пролил половину чая, который держал в руках, прямо себе на одежду.

— Приехал — значит, не уйду, — господин Цинь протянул руку, Ханьчжу тут же подхватил его, помогая подойти к Кун Лину. Цинь достал из рукава платок и принялся вытирать подбородок Кун Лина. — Ну что ты как ребенок, совсем не умеешь о себе заботиться. Как ты думаешь, смогу ли я оставить тебя одного?

Кун Лин вдруг с силой оттолкнул руку Циня, которая все еще протирала его одежду:

— Уходи! Сейчас же уходи!

Господин Цинь посмотрел на покрасневшую тыльную сторону ладони, затем медленно поднял взгляд на Кун Лина. В его прекрасных глазах читалась решимость:

— Я не уйду. С меня хватит одного расставания. Уж лучше страдать вдвоем, чем мучиться в разлуке, глядя на мир врозь. По крайней мере, я буду видеть тебя.

Боже мой, что это за сцена? У Тан Цинфэна в глазах заплясали искры. Актив? Пассив? Однополая любовь? В эту эпоху — и такая пара? Это просто невероятно!

<http://bllate.org/book/21782/2252363>